

— Возможно, стоит ещё немножко повременить, — сказала женщина.

Её муж, до этого момента старавшийся сохранять спокойствие и доесть ужин, помрачнел и отодвинул от себя тарелку с едой. Теперь он был точно уверен, что последние полчаса, потраченные на объяснение причин, почему он больше не может оставаться в полиции, его не слушали. И сейчас его терпение кончилось. Начинался скандал.

Вдруг кто-то позвонил в дверь. От неожиданности он и она одновременно вздрогнули и, как по команде, посмотрели друг на друга. “Ты кого-нибудь ждешь?” — одним своим видом спросила она. “Нет”, — отрицательно мотнул головой он. Тогда женщина перевела взгляд на часы, висевшие над входом. “Ровно двадцать три”, — подсказали часы.

Снова звонок, а за ним ещё один, и ещё. Не выдержав, женщина встала. — Иди, открой, — сказала она. — А я пойду проверю ребёнка.

Не говоря ни слова, он медленно поднялся. Вытер жирные пальцы и только потом пошёл открывать.

— Мама! — не сдержав удивления, выкрикнул он.

Но вместо объяснений или приветствий ночная гостья быстро перешагнула порог и всучила ему два пакета продуктов.

— Мама, что ты здесь делаешь? — спросил он, наблюдая за тем, как она безуспешно пытается закрыть старый замок.

— Подожди, дай я. — Он отодвинул её в сторону и после небольшого усилия привычным движением закрыл дверь. — Мама, почему ты здесь? Ты же должна быть в больнице, — повторил он свой вопрос по-другому.

— Должна, должна, — тяжело дыша, ответила женщина. — Что мне там одной в воскресенье делать? — С этими словами она опустила на стул, чтобы отдышаться.

— Здравствуйте, Галина Николаевна, — раздался за его спиной голос жены. — Вас отпустили? Вам лучше?

— Привет, Надя, — все ещё тяжело дыша, поприветствовала мама невестку. Она даже попыталась улыбнуться, но улыбка, не успев появиться, моментально сменилась глубоким и болезненным вздохом. — Лестница, — попыталась объяснить она, мотнув головой в сторону двери. — Захотелось пройтись, пять этажей, и, смотри-ка, надо же, как прихватило. — Она приложила три пальца к запястью и, едва шевеля губами, принялась считать пульс.

— Сколько? — не выдержав затянувшейся паузы, спросил он.

— Восемьдесят, — подвела итог мама.

— Это нормально? Так ведь и должно быть? — не поняла невестка.

— Для вас — да. А для меня — не очень.

— Может, вам “скорую” вызвать?

— Для чего? Чтобы они снова меня увезли? — ответила мама, и на этот раз улыбка у неё получилась почти такой же, как до того, как она заболела. — Не беспокойся, птичка моя. Не нужно мне “скорую.” Я и на такси прекрасно передвигаюсь, — сказала она, успокаивающе поглаживая руку невестки.

Он заметил это и подумал: “В последнее время они стали ладить. Жаль, что так было не всегда, а только после того, как начались первые проблемы со здоровьем”.

— Внук уже спит? — спросила мама, успевшая встать и посматривающая теперь в сторону детской.

— Только-только вот сейчас уложили, — поспешно ответила Надя.

— Мам, не меняй тему, ответь на вопрос. Что случилось?

— Ничего... — она сделала паузу, подняла со стола тряпку и положила обратно. — Операцию отложили.

— Как отложили? — воскликнули они в один голос.

— Не знаю. Взяли и отложили. Подробности мне не сообщили. А я и не уточняла, жила же спокойно без операции... — Мама взяла со стола тарелку и понесла её к остальной посуде, замоченной в раковине.

Закатив рукава, принялась мыть посуду.

— Что за ерунда? Я точно договорился на четверг. Какие тут могут сложности?

— Не знаю. — Она поставила перед сыном чистую тарелку, затем ещё одну, и ещё.

— Мы же с твоим врачом всё решили. Неужели ничего нельзя сделать по-человечески? Всюду бардак! А деньги? Про деньги тебе что-нибудь говорили?

— Какие деньги?

— Что я заплатил для того, чтобы тебе пораньше и всё хорошо сделали.

— Нет, про деньги они мне ничего не сказали.

— Ну, конечно!

— Сынок, ты бы лучше думал над этим поменьше. Перенесут на ближайшее число, куда они денутся? Мне сегодня, кстати, когда я уезжала, так и сказали. Лучше принеси продукты из коридора и выложи, чтоб не пропали.

Он вышел из комнаты, затем вернулся, держа в руках туго набитые едой пакеты. Боже, сколько всего было куплено: овощи, фрукты, мясные полуфабрикаты, консервы и хлеб.

— Хлеб-то зачем?

— Как ты себя сейчас чувствуешь?

— Лучше всех.

— Нет, я серьёзно. Нельзя же так взять и без объяснения причин оставить человека без лечения. Статья даже есть. Я врачу позвоню.

— Нет, не звони.

— Тебе нужна эта операция. И в самое ближайшее время.

— Нужна. А что толку? Ну, сделают, и что с этого? В моём-то возрасте новый сердечный клапан — это пять, максимум — шесть лет жизни. А потом...

— А потом его опять меняют.

— Боюсь, уже нет, не меняют.

Стало тихо. Где-то далеко за окном завывла собака. От первых же звуков мама вздрогнула и, кажется, даже немного побледнела, как будто кто-то коснулся её холодной рукой. А вой всё длился и длился, так долго, как будто ему не будет конца. Обрывался и начинался опять.

— Вой на свою голову.

Собачья мелодия стала тише, а после затихла совсем.

Он почти закончил разбирать гостинцы, как вдруг остановился и замер. У него на ладони лежала ярко-красная упаковка с шоколадными шариками внутри. Конфеты. Внизу лежали еще одни, уже синие. А рядом — раздавленный йогурт. Он улыбнулся.

— Взяла попробовать. По-моему, мы такие ещё не ели, — сказала мама, отбирая конфеты. — Возьми себе две. А эту я заберу.

— Тут всего две.

— Как две? — переполошилась она. — Должно было быть три.

Он внимательнее покопался в пакетах, даже потряс один для полной уверенности. Нет, всё-таки две.

— Не может этого быть! Я помню, как брала три. Точно — три. Ещё подумала: один тебе, один Саше и один мне. Неужели опять на кассе забыла? Это кассирша. Это она меня заболтала. И не напонила. Наверняка видела же. Сейчас, наверное, жрёт мои конфеты и радуется.

— Да бог с ними! Зачем ты вообще столько всего набрала? Кто это будет есть? Пропадёт.

Мама домыла посуду и теперь, видимо, что-то разыскивая, открывала одну тумбочку за другой.

— Ты уже убрал эскалон? Да? Ну-ка, доставай его обратно. Сейчас твоё любимое мясо будем готовить, — скомандовала она, продолжая стучать дверцами. — Сыр, лук, всё вынимай.

— Мам, уже поздно. К тому же мы только недавно поужинали. Надя меня накормила.

— Где у вас тут сковорода? Что за привычка постоянно всё переставлять. Никакой тяги к порядку.

— Слева от тебя.

— Слева, слева... Я там, кажется, посмотрела. А, нет, нашла. Вечно вы перекладываете. Ничего не найти. Вот ты у меня когда-нибудь подобное видел?

— Ма-а-ам, — взмолился он.

— Слушай, мне кажется, она плохо помытая.

— Быть такого не может.

— Да вот. Точно тебе говорю.

Она показала сковородку ему. Два масляных подтека ржавого цвета заставили его отвернуться.

— Ну, убедился? — торжествующе заявила она. — Спорю, это твоих рук дело. Бросил всё так и ушёл. Боже мой, почти сорок лет, а всё где-то висает.

Он стоял, не шевелясь, но внутри у него всё так и кипело. Он чувствовал, что ещё немного — и будет предел, и он наконец-то взорвётся. Повысит голос или даже накричит. А она всё причитала и причитала. Ходила туда-сюда, мыла, тёрла, доставала и снова мыла. При этом постоянно жалуясь по любому, даже самому маленькому поводу, и ему стало вдруг до того смешно от всего этого, в особенности от самого себя, что злость, внезапно возникшая, сама собою исчезла.

— Ну, и чего ты сидишь? Разморозь мясо и начни резать овощи, пока я тут приговариваюсь. Знаешь, маленький ты был гораздо умнее, всё сам делал. Только подойдёшь к тебе что-то помочь, а ты сразу: “Мама, я сам”, “Уйди, мама, я сам”. Такой самостоятельный, не нарадуешься, а сейчас... — Громкость её голоса постепенно понижалась, слова теряли смысл, пока он, наконец, не понял, что мама больше не ворчит, а что-то тихо напевает себе под нос, наслаждаясь готовкой. И всё это: и воспоминания, и мамнины причитания, и его злость, и даже пение — напомнили ему о давно минувшем детстве, когда мама так же была постоянно недовольна его поведением и всегда говорила, что раньше он был гораздо умнее и лучше. Жаль, сейчас она этого, конечно, не вспомнит.

Первым на раскалённую сковороду отправилось мясо. Горячее масло довольно зашипело, забрызгало и тут же затихло в ожидании овощей. И тут готовка разгорелась вовсю. Он попытался ещё раз заговорить о её болезни. О сроках. Но она его больше не слушала.

Кухня ожила. Теперь это уже была не комната для откровений, теперь здесь радовалась и играла сама жизнь. Запах кружился, призывая поскорее попробовать наслаждение на вкус и ощутить, наконец, вкус хрустящего мяса.

Штука в том, что мама никогда не готовит по рецепту, всегда есть что-то новое. Сама она называет это опытом. Он же, в шутку, алхимией. Вот и теперь вместо корейской заправки в шипящее блюдо отправилась добрая ложка майонеза, да еще с горкой.

— Песни не испортит, — заметила мама. — Давай, готовь стол.

— Тише. Ребёнок.

— Садись.

Мощный поток белого пара, подражая волшебному джинну, взвился в воздух, стоило ей только снять крышку. Комната моментально наполнилась запахом жареного мяса, позолоченными кусочками лежавшего посреди ещё кипящего масла. А сверху всего этого богатства белоснежной шапкой лежал майонез. Он сделал глубокий вздох, жадно вдохнул частицу горячего пара и ощутил, что ужасно голоден. Так сильно всё в нём радовалось предстоящему празднику жизни, еде.

— Я только и делаю в последнее время, что ем. Ещё не хватало поправиться, — сказала мама. Прямо перед ней, еле дымя, остывала кружка горячего чая.

Небрежно подув пару раз, он закинул первый кусок мяса в рот целиком и застыл. Глаза его округлились. Горячее мясо каталось у него во рту, обжигая и никак не желая становиться прохладнее.

Быстро сообразив, что к чему, мама раскрыла перед ним салфетку, но он отрицательно мотнул головой, и, собрав волю в кулак, с красным лицом и слезами начал жевать. Первое время он не чувствовал ничего, кроме жара, но потом из смеси огня и жжения вместе с соком начал появляться вкус. И с каждым следующим движением челюстей вкуса этого становилось всё больше и больше, и лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Как маленький, — заметила мама.

Он попытался что-то ответить, но не смог — надо было дышать. К тому же нечто тёплое согревало его теперь изнутри, и ему хотелось ещё.

— Ну, вот, а ты сказал — сытый. Кто тебя ещё так кормить будет, когда меня рядом не будет?

— Ма-а-ам, — произнёс он с полным ртом.

Всё было, как в детстве, только вместо школы — работа, вместо мальчика — взрослый мужчина. И только мама, несмотря ни на что, оставалась мамой.

— Не “ма-а-ам”, а правда, — сказала она, кладя полотенце себе на колени. — Врачи думают, у меня на сердце инфекция.

В комнате потемнело, и еда стала безвкусной.

— Всего лишь догадки, но операцию на всякий случай отложили.

Тяжёлая и продолжительная болезнь приучает к плохим новостям. Меньше паники, когда не берут трубку. Не так пугают долгие гудки. Прощаешься с человеком каждый раз, когда он молчит, и приветствуешь снова,

когда тебе отвечают. Так постепенно, лишаясь и возвращая его опять, ты привыкаешь терять человека. Привыкаешь, но никогда не будешь готов.

— И что? Что теперь? — беспомощно сказал он.

— Не знаю, наверно, опять заставят трубку глотать. Как тогда, когда клапан чистили.

Он не понимает, при чём тут какая-то трубка, в последнее время, намеренно или нет, но мама из-за страха многое путает, однако он услышал слово “инфекция”, поэтому машинально забормотал, чтобы “она не боялась и делала всё, что врачи велют”.

— Ага! Тебе легко говорить. Знаешь, как больно? В тот раз у меня даже слёзы потекли. Не хочу. Там, скорее всего, нет ничего.

Она заговорила про хирурга, который так плохо сделал первую операцию, что теперь нужна новая.

— Сволочь. Из-за него надо целый клапан менять. Разрезать грудную клетку. Ты бы видел их инструменты, как у строителей...

Открыть грудную клетку, подключить пациента к аппарату искусственного сердца, удалить повреждённый клапан, поставить новый, отключить искусственное сердце, зашить. Казалось бы, несложные действия. Таких операций в стране делают тысячи, десятки тысяч, может быть, миллион. Но это же мама... Он посмотрел на часы и почувствовал, как время беспощадно катится на него своим колесом.

— Ладно, что толку об этом говорить, — вздохнула она. — Лучше скажи, как у тебя на работе? Соседки в палате как узнали, что ты у меня полицейский, так и заохали. Много, говорят, теперь получают. А я им: “Да-а-а, платят сыну нормально”. И мне так сразу гордо за тебя стало, ты себе представить не можешь.

— Всё нормально, — отвечает он сдержанно. — Хорошо.

— Хорошо? Ты же увольняться хотел вроде бы? А теперь что, опять передумал?

— Мам, давай я как-нибудь сам, без тебя разберусь.

— А что я такого сказала? Ты посмотри на него! Я просто хотела знать, что тебя не устраивает? Зарплата нормальная. Гарантии. И, самое главное, стабильность. Знаешь, чем завтра семью кормить. Ты же помнишь, как нам с твоим отцом, царство ему небесное, тяжело было тебя растить. Образования нет, работы нет. А у тебя всё есть, живи — не хочу. И нет, не угодишь, не нравится.

— Так, слушай, не лезь.

— Да ты мне только скажи, почему? Я же не уговариваю тебя там остаться. Мне только хочется знать, почему?

— Да мне всё равно, что тебе там хочется. Я, кажется, ясно сказал, что не хочу говорить об этом.

— О чём?

— Да ты отстанешь от меня или нет? — начал он выходить из себя. — Отвали.

— Как... Как... — растерялась она, подбирая слова. — Как ты со мной разговариваешь?!

— Сама виновата. Я же сказал ясно: нет. Закрыли тему.

— Я смотрю, ты решил довести меня, да?

— Ничего я не решил. Успокойся.

— Да что?! Что я сказала такого? Ты совсем озверел с этой, что ли?

— Да замолчи ты уже, наконец! — Его ладонь тяжело опустилась на стол, посуда испуганно вздрогнула.

— Сам замолчи! Заткнись! Замолчи! Ещё слово и... О, Господи, — залепетала она, — довести меня хочет, скотина. Сердце, кажется, опять заболело. Хочешь, чтобы я померла?

— Ага, тут дождёшься, — сказал он, не подумав.

— О, — выдохнула мама. — Нехорошо мне. Дышать нечем.

— Хватит. Чуть что — сразу сердце. Что, если сердце, то тебе и слова нельзя против сказать? Ага, щас.

Ответа не последовало. Почуввав неладное, он, наконец, посмотрел в мину сторону, так как всё время, пока они соорились, он упорно глядел себе на руки, и... Мама сидела, откинувшись на спинку стула и держала себя за запястье. Грудь её тяжело поднималась. "Двадцать два, двадцать три", — считала она.

— Мама, — позвал, он. Потом громче: — Мама! Что с тобой?! Тебе плохо? "Скорую" вызвать?

Не отзываясь, она продолжала считать:

— Сорок шесть, сорок семь, сорок восемь...

Он кинулся набирать номер.

— Не надо звонить, — послышался слабый, но твёрдый голос матери. — Сто двадцать один.

— Но... — возразил было он.

— Не надо, — медленно повторила она. — Сейчас пройдёт. Я не хочу обратно в больницу. — Лицо её было бледным. На лбу выступил пот. — Иди ко мне. Посиди. Сейчас мне станет лучше. Сейчас. Пару минут.

Не сводя с неё взгляда и не выпуская из рук телефон, он взял стул и сел напротив неё.

— Кажется, начало проходить. Что, испугался, да? — попыталась усмехнуться она. — Вот будешь знать, как меня доводить.

— Тебе лучше?

Она взяла чай, сделала несколько жадных глотков.

— Теперь да, — с облегчением словно её мучила жажда, сказала она.

Воспользовавшись паузой, он быстро наполнил её кружку.

— Что случилось у тебя? На работе проблемы? — спросила мама другим, слабым голосом. — Ты же знаешь, как я за тебя сильно волнуюсь.

— А ты не волнуйся.

— Ну, как я могу за тебя не волноваться? Я же твоя мама. Как ты переживаешь за Сашу, так и я за тебя.

Помолчали.

— Да, разругался я там. Знаешь, меня в третий раз с начальником отдела кинули.

— Как? Снова?

— Да, назначили вообще никому не известного человека. Со стороны пригласили.

— Они же тебе обещали...

— Ну, мало ли, что кому у нас обещали. Жди, говорят, это родственник, сам понимаешь. А мне какой смысл ждать? Он младше меня на два года. Я и не выдержал, сказал всё, что думаю. И заявление написал, только отнести надо. Хотя, может уже и не надо. Вот весёлое время начнётся...

— А извиниться никак уже больше нельзя? — осторожно заметила мама. — Скажешь, вспылил, с кем не бывает...

— Мам, ты не представляешь, как меня достала эта работа! За столько лет она у меня вот здесь, в горле сидит. И нервный я стал, раздражительный. Вскипаю по пустякам. Нет, устал я, мама, от всего этого. Просто устал.

Он взял её кружку с чаем и выпил.

— И куда ты пойдёшь? — спросила мама, не дожидаясь, когда он напьётся.

— Не знаю. Ты же у нас умная. Предложи что-нибудь.

— Опять начинаешь.

— Да разные есть варианты. Может, в другую структуру переведусь или займусь частной практикой.

— Частной практикой... А сколько тебе до пенсии осталось?

— Пять лет.

— Может, потерпишь? Всё-таки пенсия. Семья.

— Слушай, я же тебе говорю, не переживай ты так за меня. Руки-ноги есть, как-нибудь выкрутимся.

— Ладно. Как сделаешь, так и сделаешь. А форма тебе очень идёт...

— Идёт, конечно. Ты успокойся. За лечение твоё я заплатил. И спешить тоже не собираюсь.

— Значит, подумаешь?

— Подумаю, мама, конечно, подумаю. Только ты сделай обследование.

Это действительно надо.

— Не хочу.

— Сделай.

Вместо ответа она неопределённо кивнула. Снова завывла собака, отрывисто, короткими воплями, как будто стучалась снаружи.

— Вой на свою голову, — по привычке сказала она.

А он ничего не сказал, только поднял взгляд на часы. И ему показалось, что те идут слишком быстро, торопятся. Вот только недавно было одиннадцать, а сейчас уже полпервого.

— Надо позвонить дяде, чтоб ехал меня забирать.

— Ты не останешься?

— Нет. Я так долго лежала на больничной койке, что хочу домой.

— Оставайся. Мы себе в детской постелем. А ты на нашей поспишь.

— А Надя? Не станешь же ты её будить.

Он почесал голову.

— Об этом я как-то не подумал.

— Поверь мне, я очень хочу домой. Соскучилась. Да и вообще, мне надо заехать в круглосуточную аптеку, за лекарством. Свои я в больнице оставила. А без них мне нельзя. Пью эту гадость по четыре раза в день. И всё никак не могу привыкнуть.

— И сколько тебе их пить?

Она улыбнулась:

— До конца жизни теперь, пока не умру. Ну, давай, звони дяде. Пусть забирает.

Он позвонил.

— Сейчас приеду к себе, — мечтательно заговорила она, — посмотрю, как там дом без меня. Стоит ли ещё? Может быть, рухнул уже... — Она засмеялась. — Почти месяц как без хозяйки. Старые люди, помню, говорили, что дом не должен оставаться долго один. У него, говорили они, душа есть. И я вот смотрю на дома у нас на улице, в которых больше никто не живёт. Стоят, беденькие. Так жалко. Никто за ними не ухаживает. Покосились. Света в них нет. Окна чёрные. А ведь кто-то их строил, ухаживал. Столько сил отдал. А потом это всё никому не нужным оказывается.

— С этим ничего не поделаешь.

— Дед, помнишь, который выше по улице жил, умер.

— Как умер? Я же его вот только, недавно бы видел.

— Так и умер. Как люди умирают. Инсульт. Внучка, вот, весной приходила, деньги на похороны собирала.

— Здоровый же был. Не пил. На велосипеде всю жизнь, помню, катался.

— А ты думаешь? Это самое страшное и есть, раз — и всё. И “прощай” сказать не успеешь. Внучка его, кстати, дом продала и почти сразу уехала, а новый хозяин, кореец, всё поломал, что дед строил: дом, баню, сарай. Ничего не осталось.

— И что там сейчас будет?

— Магазин, автосервис, не знаю, что-то там для бизнеса строит. Я к тому, что вот жил человек, жил, а как умер, так никому до его труда дела нет. Ты смотри, ухаживай за домом, береги. Этот дом ещё твой отец строил. Глядишь, тебе и твоим детям останется. Вдруг квартиру новую не купите, так в доме все и поселитесь.

— Да что мы всё о смерти да о смерти. Никто же умирать не собирается. Все живы. Ты выздоровеешь... И жизнь, она продолжается.

— Ты прав, — не поднимая головы, ответила мама. — Ты, конечно же, прав. Надо поправляться. Болеть нельзя. Ещё столько дел впереди, столько работы. А планов? Огород убрать, крышу сделать. Ещё хорошо бы ворота поправить, чтоб не упали, тогда вообще будет замечательно.

— Огород я убрал, — не без гордости сказал он.

— Когда ты это успел?

— Позавчера. Заехал к тебе и решил поработать немного. Мусор пожёт и пару грядок вскопал. Теперь в следующем году земля легче будет. Может, Сашу заставим.

Она улыбается.

— Удивляюсь, что это на тебя такое нашло?

— И чему? Я и весной это делал, — напомнил он ей. — Ты просто забыла.

— Да, помню я, помню. Это я просто так. В этом году ты хорошо потрудился. Работничек мой, — она ласкова взяла его за руку.

— Кстати, — вставил он, заметно обрадовавшись, — ты ещё не знаешь, что внук твой натапцывал на приз зрительских симпатий.

— Правда?

— Да, именно так.

— И ты мне только сейчас об этом сказал?

— Он сам тебе хотел рассказать. И, между прочим, он выступал не один, а с девочкой в паре.

— Да ты что? С девочкой? — Мама всплеснула руками.

— Знал, что тебе понравится.

— Я так рада, так рада и за него, и за вас. Ну, надо же, такой маленький, а вот, уже с девочкой. А ты мне скажешь, как...

Телефонный звонок не дал ей закончить. Это был дядя. Пришло время прощаться. Они встали. Две горбатые тени, одетые в чёрное, тоже поднялись и пошли вслед за ними. До этого сдержанный, он заговорил быстро, без пауз рассказывая о сыне, о танцах, о девочке. А мама только коротко охала, словно подгоняя его. Дошли до лифта и там замолчали. Столько разговоров, но самое главное не сказано. Слова эти, давно не произносимые, почти забытые, застряли у него в горле и никак не хотели наружу.

— Мама...

— Что?

— Мама... Знаешь... Я люблю тебя, мама...

От такого неожиданного признания она сперва удивилась, а потом спросила:

— Что это с тобой?

— Ничего.

— С тобой всё в порядке? Заболел, что ли? — улыбнулась она и, чтобы сгладить неловкость, встала на цыпочки и прикоснулась к его голове — якобы температуру померить.

— Слушай, я завтра заеду к тебе, — сказал он после паузы.

Судя по грохоту, лифт был уже совсем рядом.

— Приезжай. Конечно, приезжай, — согласилась она и обняла его на прощание, скромно добавив: — Я тебя тоже люблю. И не забудь убрать со стола. Не ложись так.

Он вернулся назад. Квартира показалась ему чужой и заброшенной, словно прошло не десять минут, а неделя. Он молча сгрёб всё со стола, вымыл и, потушив свет, медленно опустился на стул, на котором только что сидела мама. В голове у него промелькнула однажды где-то услышанная мысль: “Счастье — это когда тебе шестьдесят, и ты всё ещё можешь позвонить маме”.

— Как она? — послышался голос жены, стоило ему войти в соседнюю комнату. Она не спала, а значит, всё слышала.

— Как всегда, не хочет лечиться. Ты ж её знаешь, — ответил он, садясь с краю.

— Она не сбежала?

— Из больницы? А чёрт её знает! Ей сказали обследовать сердце на инфекции или что-то такое. А она сильно боится. Сперва операция, теперь ещё и это.

— Но это же надо? — Она подвинулась поближе.

— Надо, не надо... Обследование, как и операция, очень болезненно... А в сущности, ни то, ни другое не сделают человека здоровым. Это и не лечение, о всего лишь отсрочка. Год, два или пять. — Тут он почувствовал,

что она гладит его по спине. Он взял её руку в свою и, не сжимая, просто оставил лежать у себя на ладони.

— Вы поэтому поругались?

— Нет. Там другое.

Её тонкие пальцы ухватили его за ладонь.

— Не волнуйся. Всё будет хорошо, — сказала она.

— Конечно, — ответил он и поцеловал её в лоб.

— Папа, папа, — неожиданно позвал его голос из детской. Он посмотрел на жену. “Иди”, — беззвучно сказала она.

— Мучение, а не ребёнок. И чего он не спит?

Её пальцы разжалась, молча повторяя: “Ты ему нужен. Иди”.

Двигаясь в темноте, словно кошка, он медленно приблизился к детской кровати.

— Что случилось? — спросил он, зажигая свет и улыбаясь натужно. — Уже так поздно, а ты не спишь. Детям давно пора спать. Согласен?

Мальчик, накрывшись одеялом до носа, кивнул.

— Тогда закрывай глаза и спи, — он потянулся было выключить свет, но застыл.

— Я боюсь, — сказал мальчик.

Он внимательно посмотрел на него. В его глазах, в каждом из которых, казалось, было по небу — такими большими, ясными и голубыми были они, — он увидел что-то похожее на тень страха.

— Я боюсь, — повторил мальчик сквозь плотную ткань, подтягивая одеяло ещё немного повыше.

— Чего ты боишься? — искреннее спросил он.

Мальчик молчал.

— Ну, мне-то ты можешь сказать. — Он присел на корточки рядом с кроватью так, чтобы они были на равных. — Чего ты боишься?

— А ты никому не расскажешь?

— Могила.

— И маме?

— И маме.

— И Вадику?

— Даже ему.

— Обещаешь?

— Клянусь. — Он поднял руки, чтобы показать, что пальцы не скрещены. — Так о чём ты хочешь, чтобы я не рассказывал?

— Я боюсь злого духа, — медленно произнёс мальчик, снова накрываясь одеялом, как бронёй.

— Злого духа? — даже не думая смеяться, переспросил он. — Почему?

— Сегодня мы были на озере. И ребята сказали мне, что надо собрать все камни и кинуть в воду, а не то дух придёт и заберёт тебя.

— Подожди. Что ты делал на озере? — Озером дети называли затопленный котлован неподалёку от школы. — Ты опять убежал с физкультуры?

— Я не сбежал. Учитель не пришёл, и нас отпустили.

— Всё равно. Я же тебе говорил не ходить туда. Там опасно.

— Нас было несколько, я и...

— Всё равно. Ты мне обещал.

— Прости, — дрожащим голосом произнёс мальчик.

— Ещё раз так сделаешь — я тебя накажу, — сказал он и выпрямился, намереваясь уйти, но тут из-под мягкого панциря донеслось еле слышимое:

— Пап, не уходи. Останься. Злой дух. Я боюсь.

— Какой ещё дух? А, дух...

— Я забыл выкинуть один камень. Вдруг из-за этого он придёт и похитит меня.

— Послушай, что я скажу тебе: никаких злых духов нет. К тому же, здесь ты в полной безопасности. Твой папа тебя защитит.

— Правда?

— Хочешь, чтобы я посмотрел?

Мальчик кивнул.

Отец заглянул под кровать. Проверил в шкафу и в каждом ящике тумбочки. Пусто. Злого духа, разумеется, не было.

— За дверью, — подсказал мальчик. Он глянули и там. Никого.

— Вот видишь. Всё нормально. Не бойся.

— А если он придёт после? Когда ты уйдёшь?

— В таком случае закрой глаза и скажи про себя, как заклинание: “Этого нет”. Ты должен поверить в эти слова, и его не станет. Взрослые постоянно так делают.

— Хорошо быть взрослым, — осторожно заметил мальчик.

— Теперь давай спать, — с этими словами его рука потянулась обратно к светильнику.

— Бабушка приезжала, да?

— Да. — свет, остался включённым. — Как ты узнал? Понятно, ты не спал. Ты не спал, когда она к тебе заходила?

— Я думал, она догадается.

Он лёг рядом, привлекая сына поближе.

— Думаю, она поняла.

— Её уже выписали из больницы? Когда мы к ней снова поедим? — продолжал спрашивать мальчик.

— Скоро. То есть, нет, наверное, не скоро.

— Ей стало лучше? Она выздоровела?

— Не до конца. Но ей лучше.

— Бабушка ведь умрёт, да?

— Умрёт? Нет, кто тебе такое сказал? — начал он говорить под испытующим взглядом ребёнка. — Нет, бабушка обязательно выздоровеет. Врачи ей помогут, и мы снова будем ездить к ней на выходные, как раньше.

— Но она всё равно когда-нибудь умрёт?

Какими холодными и серьёзными показались ему детские глаза в тот момент.

— Да. Но прежде, чем это произойдёт, пройдёт много-много лет.

— И ты тоже умрёшь? И мама?

— Да. И я, и мама. Но даже так мы всегда будем рядом.

— А как вы будете это делать после того, как умрёте?

— Как духи. Только добрые. — Он легонько толкнул сына в плечо, прижал к груди.

— Пап?

— Чего?

Мальчик задумался.

— Пап! А ты не можешь не умирать?

— Постараюсь.

— Мама говорит, нельзя говорить “постараюсь”.

— А как она говорит?

— Надо говорить “сделаю”.

— Сделаю, — сказал он, глядя мальчика по голове. — Ты молодец, надо слушаться маму.

— Не оставляй меня, — произнёс ребёнок перед тем, как заснуть.

— Не оставлю, — дал обещание он. Время шло. Он подождал, пока дыхание мальчика окончательно станет спокойным и ровным. Потом осторожно вынул свою руку из-под его головы, погасил свет и вышел.

В дверях он остановился, оглянулся назад. Мальчик лежал неподвижно, но так, словно обнимал кого-то во сне, кого-то, кого уже нет.

— Спит? — спросила жена, когда он вернулся.

— Да.

— Ты уверен?

— Да...

Ему хотелось молчать. Наверное, почувствовав что-то, она обняла его. Заглянула в глаза. Два ничего не выражающих камня.

— Верю. Мама поправится.

Он повернул к ней лицо. Кажется, впервые за то время, что они вместе, она назвала её мамой.

— Мы же семья.

— Ты права.

Надя поднялась с постели и надела халат.

— Я пойду посмотрю, не притворяется ли. А ты ложись. Уже, должно быть, два или три. А тебе рано вставать.

— Слушай, Надь, я, наверно, задержусь на работе ещё немного, хотя бы до пенсии...

— Позже об этом погорим, — сказала она и ушла в детскую комнату, оставив его одного. Сквозь туман мыслей он едва заметил, что перед тем, как уйти, она потрепала его за кончики пальцев и только потом удалилась. Он знал, сегодня ночью ему придётся спать одному, она не вернётся. Чтобы не сомневаться в том, что ребёнок уснул, она ляжет рядом. И мама, и сын будут вместе всю ночь. Она всегда так делала, сомневаясь, спит Саша или нет. И ему придётся смириться.

Он лёг. Попытался уснуть. Через три часа бесплодных попыток встал. Жены рядом не было. Он вышел на балкон. Холодный ветер встретил его прикосновением миллиона холодных иголок. Он поёжился, но возвращаться не стал. Перед его глазами на бесконечной равнине неба начиналось утро. Он видел, как раскачиваемый первыми лучами солнца задвигался неподвижный воздух, из бледно-серого превращаясь в нежно-голубой. Видел, как пролетели первые птицы, сначала одна, затем ещё две и ещё одна, целое семейство. Темнота возвращалась в космос. Мир оживал.

Его лицо скривилось от горькой ухмылки. Утро он не любил. Точнее, перестал любить, когда узнал, что люди чаще всего уходят именно на рассвете. Умирают с восходом солнца. Стена света, которая сейчас неумолимо движется ему навстречу и вот-вот накроет его с головой, поднимает одних и забирает других. От неаккуратного блика, запрыгнувшего ему прямо в глаз, он зажмурился. Возможно, что именно в этот момент чей-то дух улетает на небо.

Не любил он утро ещё и потому, что как бы мрачно ни было у него на душе, какое бы ни случилось страшное горе, оно всегда приходило и никогда не опаздывало, а значит, ничего не остановилось, не замерло, и безразличное ко всему завтра всё-таки наступило. Он не любил утро и не любил себя. Вспомнил своё недавнее признание маме, и ему стало стыдно. Как привыкает человек быть грубым с теми, кого любит, и ещё грубее с теми, кто любит его. А ему бы хотелось подняться над всей этой обыденностью, как солнце, стать выше, научиться искусству ценить время, проведённое вместе, а не злиться, что его так мало осталось. И, самое главное, чаще говорить близким о любви, но так, чтобы искренне.

В третий и последний раз завыла собака.

— Чтоб ты сдохла, — сказал он и зашёл обратно в квартиру. Но свет не оставил его, желтовато-алым пятном расплываясь по шторам. Чтобы не встречаться с ним взглядом, он повернулся на бок и закрыл рукою глаза. “Если представить, что этого нет, то ничего нет”, — сказал он себе, как заклинание. Ничего нет. Он долго лежал и, наконец, уснул, и видел сны, а за окном бесшумно свершалось чудо каждого дня, чудо рассвета.